

Формула Забвения



Франческа Канна

Франческа Канна

Формула забвения

<https://litres.ru/74099724>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Они могут спасти мир — но потеряют друг друга».

Две сестры, по-разному помнящие мать-алхимика, становятся ключом к формуле, способной изменить мир. Алхимия матери активируется только через их память — факты одной и чувства другой, — но за этой силой охотится тайный орден, для которого магия стала инструментом власти. Чем ближе сёстры к завершению формулы, тем очевиднее становится цена: мир будет спасён, но они утратят способность помнить друг друга.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Франческа Канна

Формула забвения

Глава

Глава 1. Янтарный свет над пеплом формул.

В то утро Кира впервые подумала, что дом начал что-то от неё скрывать.

Не потому, что в нём что-то изменилось явно. А потому, что привычная тишина на секунду запоздала.

Мысль была нелепой. Дом не человек. Дом не умеет лгать. Но, стоя посреди мастерской, Кира вдруг слишком ясно почувствовала: что-то изменилось раньше, чем она успела это заметить.

Пока ещё всё выглядело как обычно.

Свет входил в восточные витражи двумя полосами — тёплой янтарной и холодной фиолетовой. Медные трубы под потолком поблёскивали на сгибах. Воздух пах медью, высушенной ромашкой и слабым следом пепла от давних неудачных трансмутаций. Сквозь щели и клапаны просачивался городской пар — влажный, железистый, с примесью угля и масла.

Но Кира знала этот дом слишком хорошо, чтобы не заметить, когда привычность становится маской.

Она пересекала мастерскую, не глядя под ноги. Половицы сами подсказывали, куда ставить стопу: одна отзывалась сухим щелчком, другая — глухим вздохом, третья едва заметно дрожала, потому что прямо под ней проходила старая паровая магистраль. Дом всегда разговаривал с ней раньше, чем что-либо в нём ломалось.

У дистилляционной стойки нижний клапан снова посвистывал.

— Ну конечно, — пробормотала Кира. — Ты же не можешь позволить мне прожить одно спокойное утро.

Она присела, подкрутила винт и подождала. Свист опустился ниже, перешёл в шорох и стих. Кира удержала ладонь на металле ещё пару секунд.

«Не верь первой тишине», — говорила матушка.

Это правило относилось не только к трубам.

Кира выпрямилась и машинально вытерла пальцы о передник. На коже давно жили следы её работы: сероватая тень под ногтями, золотистый налёт на подушечках пальцев, слабое потемнение между большим и указательным. Холодная вода смывала верхний слой. Главное оставалось.

Матушка называла это честностью ремесла.

Кира считала — ценой.

Мезонин, зажатый между двумя чугунными башнями, давно перестал быть для неё просто домом. Если бы стену вскрыли, подумала Кира, внутри обнаружались бы не кирпичи, а слои семейных привычек: матушкины пометки на

полях, Соленины ровные поправки к схемам, её собственные ошибки, оставленные в углах стола ожогами и пятнами реактивов.

С тех пор как Элиары не стало, прошло всего восемь месяцев, но мастерская уже казалась местом, где время не идёт вперёд, а оседает слоями. Каждая вещь здесь помнила её руку лучше, чем дочери имели право помнить её голос.

Кира подошла к восточной полке.

Там, среди десятков томов, стоял журнал 1873 года.

Вот что на самом деле нарушало утро.

Не клапан. Не свет. Не дом.

Книга.

Кира не потянулась к ней сразу. Позволила пальцам пройти по корешкам, будто просила разрешения. «Растворы и соли. 1868». «Стекло. Нестабильные сосуды». «Наблюдения за эмоциональными остатками». Потом — нужный переплёт. Тёмный, каштановый, со слегка ослабленной заклёпкой и знаком на крышке: тонкая дуга вокруг формы, напоминающей то ли семя, то ли глаз.

Она взяла книгу обеими руками.

Сегодня журнал снова показался тяжелее, чем должен был бы.

Кира прижала его к груди, туда, где под рёбрами обычно жили самые упрямые страхи, и закрыла глаза.

Память пришла сразу.

Не картинкой — ощущением.

Матушкина ладонь на плече. Не ласковая, а направляющая. Тепло её дыхания у виска. И голос — тихий, сосредоточенный:

«Медленнее. Материя не любит, когда её торопят из страха».

Перед ними дымился раствор. Кира — ещё девочка — обеими руками держала ложечку с кристаллическим осадком и боялась уронить лишнее. Когда смесь взяла правильный цвет — глубокий золотой, как мёд в тени, — матушка не улыбнулась, только кивнула. Но Кира потом ещё долго жила этим кивком, как живут маленьким огнём, которого хватает на целую зиму.

Кира резко открыла глаза, будто поймала себя на подглядывании.

С этим журналом так происходило всегда.

Именно к нему матушка не разрешала ей прикасаться в детстве.

Однажды Кира, двенадцатилетняя и уже достаточно упрямая, встала на табурет, чтобы дотянуться до верхней полки. Матушка молча сняла журнал, переставила выше и сказала:

— Есть знания, к которым тянутся раньше, чем обретают для них форму. Ты пока тянешься не туда.

— А Солене можно? — спросила тогда Кира с мгновенной детской ревностью.

Матушка посмотрела на неё слишком долго.

— Солена тянется не из того же места, что ты, — ответила

она. — И это тоже не значит «можно».

Теперь эта фраза возвращалась всякий раз, когда Кира брала книгу в руки.

Она отнесла журнал к узкому столу у окна — матушкиному столу, с прожжённым кругом в углу. На любой другой поверхности книга выглядела бы гостьей. Здесь — возвращением.

Кира раскрыла переплёт осторожно, поддерживая корешок ладонью.

Первые страницы были знакомы почти наизусть: аккуратный почерк, измерения, наблюдения, поправки на полях. Но чем дальше, тем заметнее менялось письмо. Не буквы даже — ритм мысли.

Нажим становился сильнее. Поля теряли ровность. Иногда слово обрывалось на середине и продолжалось уже ниже, словно рука не поспевала за мыслью.

Кира наклонилась ближе.

— Ты не просто работала, — прошептала она. — Ты догоняла что-то.

Или что-то догоняло тебя.

Под стеклом страниц лежал высушенный фиолетовый цветок. Любимый цветок матушки.

Кира осторожно приподняла его и на мгновение замерла. Перед внутренним взглядом всплыл другой день: окна в конденсате, три чашки на подоконнике, Солена спорит о формулах, а матушка крутит в пальцах этот самый цветок и го-

ворит старшей дочери:

— Ты права в цифрах. И всё же не права в результате.

Тогда это казалось семейной сценой.

Теперь — предупреждением.

Кира положила цветок обратно и вернулась к записи, к которой подходила уже третью неделю.

Строка начиналась разборчиво:

«Кристаллизация памяти требует...»

И обрывалась.

Дальше чернила темнели, слова спешили, фраза ломалась.

Возможно, дело было не в том, что Кира наконец подобралась к нужной странице.

Возможно, нужная страница всё это время ждала, когда она подойдёт достаточно близко.

В этот момент внизу щёлкнул замок.

Кира вскинула голову.

Ещё через секунду пневматический сигнал у входа коротко отозвался шипящим стуком.

Сердце сжалось сразу. Не от страха — от узнавания.

Просто в её жизни почти всё, что приходило вместе с Соленой без предупреждения, редко оказывалось хорошим.

Солена никогда не входила так, будто оказывалась где-то случайно. В её появлении всегда чувствовалась выверенная необходимость.

Сначала — поворот ключа. Затем — сухой щелчок скобы.

Потом дверь открывалась с той экономией движения, которая у кого-нибудь другого показалась бы холодностью, а у Солены всегда означала контроль.

Она вошла в мастерскую, не снимая перчаток. Высокая, сухая, с прямой спиной и той внутренней вертикалью, которая порой казалась Кире врождённой, а порой — выученной ценой слишком раннего взросления.

На ней был тёмный рабочий костюм из плотной кожи, с металлическими застёжками у запястий. На левом плече — след сажи. Под глазами — тени усталости. Волосы стянуты назад слишком туго. Едва переступив порог, она быстро, без суеты, оглядела помещение: заслонку на верхнем вентиле, чашку у горелки, приоткрытый ящик под полкой, открытый журнал на матушкином столе.

Этим взглядом Солена за секунды снимала с комнаты показания — как с прибора, который никогда не врёт.

— Ты снова у него, — сказала Солена.

— Доброе утро тебе тоже, — с улыбкой ответила Кира.

Сама Кира была устроена иначе. Ниже сестры ростом, мягче в плечах, легче в походке, с тем тёплым янтарным оттенком глаз, который при одном свете казался медовым, а при другом — почти золотым. Волосы — каштановые, густые, обычно собранные кое-как, потому что руки у неё неизменно были заняты чем-то важнее приличий.

— Я не сказала, что утро доброе.

Это почти могло бы быть шуткой, если бы её произнёс

кто-то другой. У Солены сухость часто была самой переносимой формой нежности.

Она положила на край стола узкий ременной планшет, достала из него сложенный вчетверо официальный бланк с печатью городского надзора и бросила рядом.

— Что это? — спросила Кира.

— Доказательство того, что контроль снова перепутали с мышлением. Проверка расхода пара по району.

Кира взглянула на бумагу внимательнее.

— У нас частная мастерская.

— Объясни это человеку, который сегодня утром задавал слишком точные вопросы для обычного бюрократа.

Тон Солены был ровным, но правый висок у неё едва заметно подрагивал. Кира слишком хорошо знала этот признак.

— Какие вопросы? — спросила она уже серьёзнее.

Солена помолчала. Затем сняла одну перчатку, будто только теперь позволяла себе быть дома хотя бы наполовину.

— Сколько человек постоянно работает в мастерской. Хранится ли у нас старый архив. И остались ли записи Элиары до реорганизации лабораторий.

Имя ударило по Кире не сразу. В мыслях она почти никогда не называла мать иначе, чем матушкой.

— Ты сказала?.. — начала она.

— Что у нас две сотрудницы, одна талантливая, другая почти разумная, и обе слишком заняты, чтобы разбирать му-

зейную архаику.

— Надеюсь, почти разумная — это я.

— Нет. Но мне приятно видеть, что оптимизм ещё жив.

Кира всё-таки фыркнула. Напряжение треснуло на секунду — и тут же снова сомкнулось.

Потому что слово «архив» уже стояло между ними, как открытая дверь в дом, который они слишком долго обходили кругом.

— Он спрашивал именно про архив? — уточнила она.

— Да.

— Это уже не похоже на обычную проверку.

— Нет.

Солена подошла ближе к матушкиному столу и остановилась в полушаге от него, как всегда. Не из суеверия — из уважения к функции пространства.

— Архив надо убрать, — сказала она.

Кира сразу накрыла журнал ладонью.

— Нет.

Солена подняла на неё взгляд.

— Это не вопрос.

— Именно поэтому нет. Пока мы не поймём, что они ищут, мы сами закопаем единственную нитку.

— Нитка бесполезна, если её у нас вырвут вместе с руками.

— И всё же я не отдам им вслепую то, что матушка прятала всю жизнь.

Солена несколько секунд смотрела на неё так, будто уже разложила возражения по порядку и теперь выбирала, каким ударить первым.

Потом сказала тише:

— Тогда сначала ты показываешь мне, что нашла. Потом мы решаем, что можно оставить на столе, а что уходит в тайник. Немедленно.

Кира хотела возразить ещё. Но в Соленином голосе прозвучало не желание командовать, а то, что было страшнее: расчёт человека, который уже допустил худший вариант и начал жить так, будто он правда возможен.

Она медленно убрала ладонь со страницы.

— Почерк меняется, — сказала Кира. — Не от усталости. Она была близка к чему-то.

— Покажи.

Солена наклонилась. От неё пахло холодным воздухом, железной стружкой и чистой обеззараживающей смесью из нижних лабораторий — запахом мира, который всегда казался Кире немного чужим.

— Нажим сильнее, — сказала Солена почти сразу. — Здесь, здесь и здесь. Бумага продавлена, не только чернила. И наклон изменился.

— Я сказала то же самое.

— Ты сказала: «Она была близка к чему-то».

— Это и есть то же самое, только на человеческом языке.

— Нет. Это уже интерпретация.

Раздражение вспыхнуло у Киры привычно, как старый рубец перед дождём.

— Хорошо. Тогда без интерпретации. Она не дождалась, пока высохнут чернила. Здесь втиснула фразу между строк. Здесь начала слово одним составом чернил, а закончила другим. Она думала быстрее, чем писала.

— Или работала в состоянии стресса, — спокойно ответила Солена. — Это тоже факт.

Кира снова накрыла страницу ладонью, защищая её не столько от сестры, сколько от её спокойного разъярения на причины.

— А может быть, ты просто боишься назвать это иначе.

Солена подняла взгляд.

— Иначе — это как?

— Как страх. Как предчувствие. Как знание, которое приходит раньше объяснения.

На несколько секунд между ними повисло то самое старое напряжение, в котором за годы успели накопиться и несогласие, и любовь, и упрямое сходство.

Потом Солена отвела глаза первой.

— Я вижу страх слишком хорошо, Кира, — сказала она тише. — Просто не доверяю ему принимать решения.

От этой интонации в памяти Киры вспыхнула больничная палата последних дней. Тогда Солена тем же бесцветным голосом требовала от врача не общих прогнозов, а последовательности необратимых процессов. Кира сочла это бессер-

дечиём.

Только позже она поняла, что это был единственный язык, на котором сестра ещё могла держаться на ногах.

— Я не говорю, что страх должен решать, — сказала она мягче. — Я говорю, что его нельзя вычитать из уравнения.

Солена коротко кивнула и открыла планшет.

— Я не только пришла с надзором, — сказала она. — У меня кое-что есть.

— У тебя всегда кое-что есть. Обычно это бумага, способная испортить мне настроение до завтрака.

— Приятно видеть, что некоторые семейные традиции живы.

Кира улыбнулась раньше, чем успела себе это запретить.

Солена разложила на большом столе несколько листов: архивные заметки, схемы труб, выписки по датам. Её движения были быстрыми и точными, как у часовщика, который терпеть не может пафос, но слишком уважает механизм, чтобы работать грубо.

— Я сопоставила неполные ссылки в матушкиных журналах, — сказала она. — Те, что раньше казались обрывками. Они образуют не хаос, а распределённую цепь.

— То есть?

— Она разделила записи так, чтобы их нельзя было прочесть линейно. Часть смысла уходит в другой год. Часть — в другой тип документа. Некоторые выводы спрятаны не там, где должны быть.

— Чтобы никто не собрал их целиком?

— Или чтобы целиком их прочли только двое.

На это у Кире не нашлось немедленного ответа.

Слова повисли между ними.

Кира первой отвела взгляд.

Это было слишком похоже на надежду — а с надеждой после смерти матушки она обращалась осторожнее, чем с кислотами.

— Ты хочешь сказать, что она рассчитывала на нас обоих?

— медленно спросила она.

— Я хочу сказать, что один способ чтения здесь не работает. А у нас, к несчастью, два разных способа думать.

— Как поэтично для тебя.

— Я болела. Это сказалось на формулировках.

Они обе усмехнулись, но почти сразу снова посерьезнели.

Солена положила перед Кирой узкий лист, испещрённый обрывками матушкиных пометок. На первый взгляд — ничего особенного: фрагменты формул, перечёркнутые слова, стрелка к пустому полю. Но внизу, почти у самого края, стояла короткая строка:

«Левое запястье. Не касаться до стабилизации».

— Это было в старой папке с ранними связками, — сказала Солена. — Без контекста.

Кира нахмурилась.

— Левое запястье чего?

— Вот именно.

— Может быть, речь о сосуде? О креплении? О манипуляторе?

— Может быть. А может быть, матушка снова называла вещь не тем именем, чтобы никто, кроме неё, не понял.

Кира провела взглядом по строке, и ей стало неприятно. Не страшно ещё — нет. Просто в теле возникло странное, почти детское желание убрать руку за спину.

— И ещё, — сказала Солена. — У башни напротив сегодня стоял человек. Не рабочий, не инспектор. Смотрел на наш фасад слишком долго.

Кира подняла голову.

— Я видела похожего три дня назад у восточной стены. Думала, показалось.

Они переглянулись.

Случайностью это больше не выглядело.

— Значит, начинаем с простого, — сказала Солена. — Перепроверяем дверь, задвижки, окна. И ты перестаёшь оставлять свет на втором этаже после полуночи.

— Это свеча.

— Это свет.

— Это эстетика.

— Это сигнал с улицы, что внутри кто-то не спит.

Кира уже открыла рот, чтобы возмутиться, но в голове слишком ясно всплыл матушкин голос: «Тот, кто считает привычки невинными, просто ещё не встречал внимательно-го врага».

Она промолчала.

Солена сразу уловила эту редкую победу, но, к её чести, не стала ею наслаждаться.

— Я не пытаюсь отобрать у тебя даже твою эстетическую безответственность, — сказала она. — Я просто не хочу, чтобы дом выглядел как приглашение.

После этого они действительно занялись безопасностью.

Солена проверила верхние задвижки, внутренний замок и смотровое окно. Кира прошла вдоль восточных рам, убедилась, что внешние фиксаторы на месте, и вернулась к столу только тогда, когда всё было перепроверено.

Этот короткий круг действий неожиданно успокоил обеих: тревога, переведённая в последовательность, становилась выносимее.

Когда они снова склонились над бумагами, мастерская ощущалась иначе.

Как место, чьи границы кто-то уже нащупывает снаружи.

— Смотри сюда, — сказала Солена, указывая на выписки. — В 1871 году — неполная формула. В 1873 — ускорение, которое ты заметила. В 1876 — термин, которого раньше нет: «принимающая форма». А в 1879 — вот это.

Она подвинула лист ближе.

Кира прочла:

«...устойчивость отпечатка зависит не от чистоты среды, а от согласия принимающей формы».

— Это уже не про вещество, — тихо сказала она.

— Согласна.

— Про объект?

— Возможно.

Кира помолчала, затем добавила:

— Или про человека.

Солена подняла на неё глаза.

— Я не хотела озвучивать это первой.

— Но подумала.

— Да.

Тишина стала гуще.

Кира видела в записях напряжение, страх, скрытый ритм.

Солена — даты, перекрёстные ссылки, повторяющиеся термины. Поодиночке оба способа давали только половину карты. И эта мысль была почти невыносима: матушка могла знать их настолько точно, что спрятала истину не в одном уме, а между двумя.

Именно в этот момент с нижнего уровня донёсся глухой металлический звук.

Обе замерли.

Не удар в дверь. Не скоба. Что-то в стороне, ближе к декоративной решётке пневматического канала.

Солена сразу сделала знак молчать, взяла из ящика тяжёлый латунный разводной ключ и первой направилась к лестнице.

— Оставайся здесь, — сказала она вполголоса.

— Даже не надейся.

В обычный день за этим последовал бы спор. Но не сегодня. Солена только бросила на неё раздражённо-смирившийся взгляд, и Кира пошла следом.

На нижнем уровне пахло камнем, углём и влажной медью. У самой решётки пневматического канала лежал тёмный цилиндр.

— Капсула, — шепнула Кира.

Солена присела, не выпуская ключа, и осторожно вынула цилиндр из-под решётки.

— Не городская, — сказала она сразу. — У городских защёлка из другого сплава.

— Кто-то подбросил её в ответвление?

— Похоже на то.

Их ветка давно была отключена от общего маршрута только формально. Старые пневматические линии под районом никто не заваривал: слишком дорого, слишком сложно, слишком мало желающих спускаться в паровые коллекторы ради чужой безопасности. Тот, кто знал схему, мог отправить капсулу почти вручную.

Не чудо.

Уязвимость.

Солена поставила цилиндр на металлический поддон у верстака.

— Принеси длинный зажим.

Открывала она медленно, по четверти оборота, прислушиваясь к каждому микрозвуку. Внутри оказалась не ловушка

ка, а свёрнутый в трубочку кусок бумаги.

На нём было всего пять слов:

Спрячьте архив, пока не поздно.

Кира почувствовала, как вдоль позвоночника проходит холод.

— Это предупреждение? — спросила она.

— Или попытка заставить нас паниковать в нужную сторону.

Солена перевернула бумагу, не касаясь её голой кожей.

— Пятно внизу, — заметила Кира. — Кровь?

— Может быть. Или ржавчина. Пока не знаем.

— И всё же слово «спрячьте», — сказала Кира. — Не «отдайте». Не «уничтожьте».

— Я тоже это заметила.

Они обе смотрели на записку так, будто та могла добавить к себе ещё одну строку.

— Поднимемся, — сказала Солена. — И теперь мы прячем архив без философских дискуссий.

На этот раз Кира не спорила.

Наверху они работали быстро и без лишних реплик. Журнал 1873 года не стали убирать глубоко: старый переплёт мог не пережить сырого тайника. Вместо этого Кира вспомнила о секции под матушкиной столешницей.

Щелчок скрытого механизма прозвучал почти неслышно.

— Я забыла про него, — тихо сказала она.

— Нет, — ответила Солена. — Просто не хотела помнить.

В тайник легли журнал, две страницы с ранними связками, лист со странной пометкой о левом запястье и копия схемы. Остальное они разделили: часть — в короб с ложным дном на верхнем этаже, часть — в металлический пенал у сушильного шкафа, часть Солена оставила в своём планшете.

Когда стол опустел, на нём остались только копии: выдержки 1876 и 1879 годов, обрезанные так, что без скрытого журнала и полной схемы они ничего не доказывали; записка под стеклянной пластиной и чистый лист для связей.

— Мы всё равно продолжаем? — спросила Кира.

— Да, — ответила Солена без колебания. — Но только с тем, что нужно понять в первую очередь.

— И что это?

— «Носитель». «Принимающая форма». Всё, что связано с памятью и доступом.

— И если хоть один признак укажет, что речь о живом носителе, мы не идём дальше, пока не поймём цену, — сказала Кира.

Солена посмотрела на неё дольше, чем было нужно.

И только потом кивнула.

— Согласна.

Кира моргнула.

— Так быстро?

— Это разумное условие. Не привыкай.

На этот раз между ними установилось то редкое молчание,

в котором каждая делала именно то, что должна, и не мешала другой думать.

Они сопоставляли термины, годы, символы, нажим, правки. Постепенно картина начинала проступать сквозь обрывки.

В одном фрагменте говорилось:

«...не всякий сосуд выдерживает присутствие того, что помнит себя».

В другом — под соскобом, видимым только под углом, — угадывалось слово «сердце», позднее заменённое на «архитектура».

— Скрытое в архитектуре сердца, — произнесла Кира.

Слова прозвучали так, будто она не придумала их сейчас, а наконец вспомнила.

И в тот же миг под кожей на левом запястье будто коротко дрогнула горячая нить.

Кира не сразу посмотрела вниз.

Сначала она услышала собственное дыхание. Потом увидела, как Солена резко подняла голову.

— Ты уже слышала это? — спросила она.

— Не как фразу. Как ощущение.

— Во сне?

Кира замерла.

— Да.

Солена не отмахнулась. Уже нет.

Кира рассказала о сне не сразу. Ей всегда казалось почти

неприличным превращать в слова то, что приходило к ней ночью с такой пугающей ясностью. Но теперь это стало частью работы.

— Верхний этаж, — сказала она. — Всё как раньше. Ма-тушка у восточной полки, перед ней медный сосуд с вмяти-ной. Я вижу первые ингредиенты. Потом наступает момент четвёртого — и она закрывает его от меня плечом. Я пыта-юсь обойти стол, но пространство становится длиннее. А она говорит: «Ты узнаешь, когда будешь готова».

— Один и тот же сон?

— Уже седьмой раз.

— И всегда тот же сосуд, тот же поворот?

— Да.

Солена долго молчала.

— Это может быть не послание в буквальном смысле, — сказала она наконец. — Но это уже точно не случайная пере-становка впечатлений. Что-то в твоей памяти возвращается к одной и той же точке.

Кира посмотрела на неё почти с благодарным изумлени-ем.

— То есть ты допускаешь, что сон связан с реальностью?

— Я допускаю, что твоя память умнее, чем твоё созна-тельное доверие к ней.

— Это самое нежное, что ты говорила мне за месяц.

— Тогда месяц был не бесполезным.

Кира уже хотела ответить, но её взгляд наконец упал на

левую руку.

Внутренняя сторона запястья вдруг показалась натянутой.

Как если бы кожа там уже что-то знала раньше неё.

Она перевернула ладонь вверх.

Чуть выше линии пульса темнела тонкая полукруглая метка.

Не царапина. Не синяк. Не след ткани.

Именно такой след она видела у матушки во сне.

На несколько секунд в мастерской стало слышно только их дыхание.

Солена подошла ближе слишком быстро для человека, который обычно двигался только осознанно.

— Не трогай, — резко сказала она, когда Кира инстинктивно потянулась к метке второй рукой. — Всё неизвестное сначала изолируют, а потом изучают.

Кира замерла.

— Когда это появилось? — спросила Солена.

— Не знаю. Когда я произнесла... кажется, тогда. Или я просто раньше не смотрела.

Солена не ответила. Только перевела взгляд на лист под стеклом, потом на позднюю запись о носителе, потом снова на метку.

— Это ещё ничего не доказывает, — сказала Солена.

И после короткой паузы добавила:

— Но теперь всё меняется.

Снизу, у двери, негромко стукнуло.

Обе вздрогнули.

Не замок. Не скоба. Будто на каменный пол площадки положили что-то небольшое и твёрдое.

Солена метнулась к смотровому окну, отодвинула тяжёлую ткань и застыла.

— Что там? — шепнула Кира.

— Письмо. На пороге.

Кира сама подошла ближе. На камне действительно лежал сложенный пополам светлый лист.

— Его только что оставили? — спросила она.

— Видимо, да.

Солена посмотрела на письмо внимательнее, потом перевела взгляд на лежащую под стеклом записку из капсулы.

— Это не та же бумага, — сказала она едва слышно. — И не тот же способ.

— Значит, их двое?

— Или кто-то очень хочет, чтобы мы так подумали.

На этот раз стук в дверь последовал почти сразу.

Три спокойных удара.

Без угрозы. Без спешки. Так стучат люди, уверенные, что им в итоге всё равно откроют.

Солена сжала латунный ключ. Кира ощутила, как холодеют пальцы.

Стук повторился — уже дважды.

И тогда из-за двери раздался мужской голос.

Негромкий. Совершенно ясный.

— Не касайтесь метки голой кожей, — сказал он. — Если ваша мать дошла до стадии живого носителя, у вас осталось меньше времени, чем вы думаете.

Кира почувствовала, как кровь отхлынула от лица.

Голос выдержал короткую паузу и добавил:

— Я знаю, кто искал её архив.

Пауза.

— И знаю, почему вас начали искать теперь.

Ещё одна.

— Если не откроете сейчас, в следующий раз к вам придут не с предупреждением.

Ни одна из сестёр не двинулась.

В мастерской как будто стало меньше воздуха.

То, что до этого утра было их семейной тайной, наконец произнесло себя вслух чужим голосом.

И Кира вдруг поняла: за дверью стоит не просто человек.

За дверью стояла та часть матушкиного молчания, которая наконец нашла голос.

Глава 2. Шрамы огня и разлуки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.